

Геля Антон Николаевич

БАБНИК

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

АНТОН Гея

Бабник

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Геля А. Н.

Бабник / А. Н. Геля — «ЛитРес: Самиздат», 2020

"Кто трус - тот не мужчина! Вперёд, пока мы живы! Находчивость и смелость! Отвага и удача! В беде не растеряться - вот главная задача!" Сколько тайн нас окружает? Что мы знаем о тех, кто хранит эти тайны? Узнаём ли мы их с первого взгляда? Или со второго? Или с третьего? Узнаём ли мы их вообще? Или мы видим перед собой простого любителя женщин, бабника, который спасается от одиночества, встречаясь с разными женщинами? Что ему известно? Кто они, хранители тайн - искатели приключений? Скучающие авантюристы? Увлечённые исследователи прошлого? Какие издержки мужского воспитания не дают им оставаться в стороне от событий, которые оказывают влияние на весь ход истории человечества?.. Описанные события произошли рядом с нами всего несколько лет назад. Пережитые приключения делают прошлое непредсказуемым, настоящее - неизвестным, будущее - неожиданным. Решительность - главная черта героев. К чему приводят сильные и решительные действия?..Содержит нецензурную брань.

«Даже думать о том, что кто-то когда-то был воспитан правильно – большая ошибка. Самое великое человеческое заблуждение как раз в том, что люди уверены, будто знают, как можно быть воспитанным правильно. Потомки покрытых шерстью животных с десятками тысяч лет зверской жизни, генетически ближе всего к свиньям, массово уничтожающие себе подобных ради доминирования на планете, разрушающие экологию, губящие себя химическими веществами. Люди считают, что они-то как раз воспитаны правильно, а потому знают, как нужно воспитывать детей. Особенно чужих...»

Мысль о невозможности правильно воспитать хоть кого-то пришла в голову Стасу, потому что напротив стояло невзрачное двухэтажное здание с категоричной крупной надписью на вывеске «Детский воспитательный центр». Ниже мелким шрифтом шло описание принадлежности этого учреждения, но с такого расстояния этот мелкий текст не читался, даже если поправить очки, сощуриться и натянуть уголок глаза.

«В этом центре, вероятно, работают святые последователи пана Корчака, обладающие познаниями Эйнштейна и терпением Дамблдора. Если там простые специалисты по системе Антона Макаренко, то я бы и взрослым туда идти не советовал... Хотя бы увидеть родителей, которые ведут сюда своё чадо: это или очень ленивые люди, не желающие выполнять воспитательную работу самостоятельно, или очень умные, осознающие свою неспособность что-то дать ребёнку самостоятельно...».

С этими мыслями Станислав сосредоточенно плевал на дорожку, перегнувшись через перила крыльца многоквартирного дома, старался попасть в яркий молоденький листик берёзы, который прилип к размокшей от дождя глине. Слюна во рту уже кончилась, плевки получались всё мельче, но в листик Стас так ни разу и не попал. Ожидание затягивалось, а чем ещё себя занять на неопределённое время, он не знал.

«Эти бабские «пять минут» редко длятся меньше тридцати», – без раздражения промелькнула в голове Стаса констатация личного опыта. Он ожидал всего четверть часа, но для себя решил, что ждёт ещё 10 минут, а после этого достанет телефон и начнёт звонить, спрашивать, выйдет вообще ли его новая знакомая.

... Их общение началось три дня назад на сайте знакомств. Оба искали встречи без обязательств. Оба были зарегистрированы на сайте под чужими именами. Два с половиной дня переписки убедили обоих, что они безопасны друг для друга. Сегодня утром, по причине субботы, они впервые обменялись телефонами, созвонились, услышали голоса друг дружки, встретились в центре города. Хватило всего получаса предметного разговора, чтобы «Анфиса» согласилась ехать к нему домой, «в гости», как тактично называл приглашение на секс Станислав. В первое мгновение она была готова ехать сразу, но через несколько секунд задумчивости, попросила сначала завезти её к ней домой «на пять минут, кое-что забрать».

Если «Анфиса» по какой-то причине решила всё отменить – Стас отнесётся к этому совершенно спокойно: сейчас у него «в разработке» ещё три девушки, а «в запасе» – четыре, с которыми он встречается по одному-два раза в неделю. Но проблема с теми, кто «в запасе», «в наличии», состоит в том, что в какой-то момент они сообщают, что больше им не стоит встречаться. О возможности простого и быстрого расставания всегда договорено заранее, закреплена возможность прекращения встреч без объяснения причин. Это одно из условий безопасности общения, которое Стас всегда проговаривал ещё до обмена телефонами.

«Это как тормоза в машине: если с тормозами неполадки – не стоит выкатывать пепелац из гаража, обязательно случится авария», – нравоучительно писал и говорил Стас «подругам», имея в виду, что не стоит начинать встречаться без гарантии спокойного расставания и требовал того же от них. «Выбирайте друзей с оглядкой: иные бывают привязчивы, как зубная боль».

Дверь подъезда, наконец, открылась и через секунду запиликал домофон. Из подъезда вышла «Анфиса», со смытым макияжем, с волосами, вместо замысловатой причёски, убранными в простой хвост, переодетая в простой серенький мягкий спортивный костюм.

«Практично, предусмотрительно», оценил Стас решительность своей новой знакомой.

– Я готова, пойдём, Жорик, – обратилась она к Стасу именем из анкеты на сайте.

– Аха, пошли, – Стас оторвался от перил высокого крыльца. В берёзовый листок он так ни разу и не попал. – А скажи мне, пожалуйста, что это за учреждение? Чем занимается? – указал рукой на вывеску.

– Знать бы. Я вообще ни разу не видела людей около него. Иногда в окнах горит свет, но кто там работает и что делает – не знаю, – ответила «Анфиса».

...Когда Стас листал женские анкеты, появившиеся по критериям поиска «встречи без обязательств» и наткнулся на имя «Анфиса», то сначала рассмеялся. Потому что в голове зазвучала песенка из детского сада или первого класса школы: «В тропическом лесу купил я дачу, ту дачу, что без окон и дверей. И дали мне ещё туда в придачу, красавицу Анфису без ушей. Одна нога была другой короче, другая деревянная была. Один глаз был фанерой заколочен, другой и так не видел ни хрена...». Это было довольно редкое имя. Все, кто выбирал себе псевдонимы, старались придумать что-то вычурное, но стандартное. И всегда такое, чтобы сразу стало понятно, что имя в анкете вымышленное. Имя «Анфиса» Стас не встречал ни разу. После отзвучавшей песенки Стас вдруг увидел в этом имени намёк на Анфису Чехову, ведущую неоднозначных телепрограмм. Во время сегодняшней прогулки это предположение не подтвердилось: имя было придумано просто на букву «А».

– «Анна» – банально, а дальше меня на «Ан» замкнуло, вот «Анфиса» и вышло, – говорила час назад новая «подруга». На предложение открыть свои настоящие имена ответила, что скажет своё и спросит его только на третью встречу, если она состоится...

Зачем люди лезут на сайты знакомств и соглашаются спать друг с другом без дальнейших обязательств? Этот вопрос впервые посетил Станислава в 2004 году, когда он работал в организации, медиацентре, проводящем социологические исследования. Их отделу поручили, ни много ни мало, просчитать уровень счастья пользователей сайтов знакомств. А попросту, выявить процент адекватных пользователей новой, по тем временам, возможности. Обсчёты надлежало делать три раза с интервалом в год, так как в тот период резко выросло количество пользователей таких сайтов. Вот правительство страны и задумалось: а кто эти люди? Почему они перестают знакомиться лично?

Результаты 2004 года были ошеломляющими.

– Ни одного нормального человека из двух тысяч опрошенных!.. – сокрушалась начальница после трёх рюмок дешёвого, неприятного на вкус коньяка в среду днём, когда были готовы предварительные результаты первых замеров.

В этом замечательном полугосударственном медийном учреждении считалось нормой выпивать в середине рабочего дня, прогуливать работу, заниматься личными делами, если установленный объём работы был выполнен в положенные сроки. Чтобы не утратить такое доброе отношение вышестоящего начальства, работа всегда была готова заранее и с немалым задёлом, поскольку в этом случае можно было совершенно законно вдвое увеличить количество выходных дней в неделю, а в конце года вовсе не работать всю предновогоднюю неделю с сохранением зарплаты.

Умное руководство центра исходило из того, что чем меньше времени тратится на работу – тем выше продуктивность. Человеческое сердце отдыхает 36 секунд из минуты, а работает всю жизнь. В раннее средневековье, когда был создан известный нам облик Европы со всеми величественными соборами, когда создавались новые страны, возникали науки, из 365 дней года люди отдыхали почти 250 дней. Позже, после 1300-го года, когда изменился подход к труду и эксплуатации, количество выходных дней уменьшилось до 30-40 дней в году, от чего в Европе

пошли эпидемии заразных болезней из-за ослабления перегруженных работой людей, развитие общества резко замедлилось... Понимая, что главное – результат, вовремя выполненный объём работы, руководство не лезло с указаниями, как делать работу. «Ничего не приказываю, ничего не запрещаю. Но если накосячите – спрошу очень строго». Такое отношение высоко ценилось подчинёнными, и начальника ни разу не подводили.

– Ты работа нас не бойся, мы тебя не тронем! Дело мастера боялось, и мастер дела избегал! – было девизом сотрудников Центра. Это правило переставало работать в периоды выборных кампаний. Тогда на 5-6 месяцев рабочие сутки удлинялись до 18-20-ти часов, а один выходной день наступал раз в два-три месяца. – Работа не волк, сама в лес не сбежит, поэтому её делать приходится, – без задора объясняли домашним сотрудники долгое сидение в офисе.

Результаты замеров 2005 года показали значительное снижение уровня тревожности у пользователей сайтов знакомств.

– Появилось до четверти нормальных людей, – задумчиво озвучивала начальница. На тот период она уже больше трёх месяцев не пила спиртного, сильно похудела, заметно побледнела, мучительно боролась со стремительным лейкозом.

А по данным 2006 года на сайтах знакомств находилось уже более половины «нормальных» людей. Характерным было то, что с увеличением числа «нормальных» людей возросло количество «постоянных» пользователей сайтов знакомств. Если по результатам 2004 года в массе своей после нахождения пары люди удаляли или переименовывали свои анкеты, то уже в 2006 году и позже анкеты сохранялись и именно «нормальные люди», с низким уровнем тревожности, повторно и планомерно повторяли поиски примерно раз в полгода. Эти сведения коллектив вычитывал уже самостоятельно, без своей начальницы, проигравшей схватку с лейкозом... Новый начальник считал себя лучше своих подчинённых, а потому не озвучивал результаты. Главной добродетелью он считал трудовую дисциплину, то есть постоянное нахождение на рабочем месте, даже если нечем заняться. За предложение «метнуться за пойлом» приказом объявил строгий выговор лучшему аналитику, а за вопросы о длинных выходных предложил увольняться по собственному желанию.

– Таким дуракам, как вы, нужно просто не мешать всё портить, тогда и вас быстрее уволят, – объяснял Стас в глаза новому начальнику причину массового увольнения всего отдела с формулировкой в заявлении «Прошу уволить меня по собственному желанию, поскольку подчинённый не должен быть умнее своего руководителя». Эти заявления написали все вместе в пятницу вечером, а с понедельника все шестнадцать сотрудников внезапно заболели «обострением хронических заболеваний». Весь Центр упразднили уже в среду, а нового начальника просто сократили без выходного пособия. Поэтому, как обстояли дела на сайтах знакомств в последующие годы, Стас не знал.

Станиславу не требовались подобные сайты. Он умел знакомиться и так: на улице, в автобусе, на городском празднике, да и вообще где угодно. В 2010 году, просто из интереса, он попробовал первый раз познакомиться «для встреч без обязательств» и сразу же высоко оценил все преимущества этих ориентированных коммуникативных площадок, где обо всём можно было договориться «на берегу». Теперь раз в неделю он шерстил новые анкеты, рассылал «прилично сформулированные непристойные предложения», получал ответы, вёл переписку, назначал встречу. В среднем, отвечала на его предложения одна анкета из двадцати. До личной встречи доходило с одной из троих ответивших. «Встречи без обязательств» начинались с каждой второй. То есть эффективный выход составлял 1 из 120 разосланных предложений. Работы было много, но остановиться Стас уже не мог: теперь ему постоянно хотелось новизны. Как золотоискатель, который знает, что каждая промытая тонна породы гарантированно даст несколько граммов золота, он не заметил, как его одолела своеобразная «золотая лихорадка». Постоянно хотелось нового! Когда отношения с новыми «подругами» затягивались, перерастали во что-то большее, он замечал, что прелесть новизны исчезает через несколько недель, а в

новой подруге он начинает замечать мелочи, которые не ему не нравятся. «Это неизбежно, мы всего лишь люди», успокаивал он себя, но неприятное чувство всё равно оставалось. Чтобы избегать неприятных мелочей, он не позволял себе увлекаться даже самыми хорошими женщинами, о чём иногда жалел. Но только иногда.

Этим объёмом работы Стас тратил силы, чтобы как меньше думать. Думать было о чём, но не хотелось... В последние десятилетия мир стал женским. Множество матерей-одиночек вырастили сыновей женоподобными и слабыми. Им внушались женские амбиции и мечтания, но мужского взгляда на жизнь дать не могли. Поэтому горизонт планирования у многих ограничивался несколькими днями...

Женщины, завладевшие миром и женоподобные мужчины, с торгашескими наклонностями, как бы подороже себя продать, а не как сделать мир лучше, убедили всех, что секс гораздо больше нужен мужчинам, чем женщинам. Мужественность и сильные поступки стали называть «токсичной мускулиностью», а действия, пусть и улучшающие мир вокруг, но не приносящие дохода – на женский взгляд стали признаком безуспешности. Всё стало измеряться доходами и внешним блеском, количеством страз и золотых побрякушек.

Сильное действие, такое как знакомство на улице, стало редкостью. И для многих женщин несло в себе надежду на серьёзные длительные отношения с надёжным сильным мужчиной. А давать бессмысленных надежд Стас не хотел. И думать про деградацию не хотел. Поэтому тратил силы и время на прокачку больших массивов информации на сайтах знакомств.

... – Пусть я унылый зануда, но, как хочешь, а искусство должно быть понятным. Абстракция – ни разу не искусство, ни в каком случае. Ни инсталляции, ни акции, смысл которых невозможно сразу понять, а потому объясняется он отдельным пространственным текстом. Вот смотрю я на деревянные скульптуры Коненкова в «Русском музее» Питера – всё сразу ясно, красиво. Ничего дополнительно объяснять не требуется. Или, например, посредственные рифмоплёты, загадочно говорящие о себе «я пишу стихи», а на самом деле, выдающие скверные вирши, наполненные эмоциональным желанием что-то выразить, бестолковые и совершенно непонятные, что же хотел сказать «поэт» в бесконечных строках с плохо соблюждённым размером. После прочтения таких произведений возникает закономерный вопрос «О чём же здесь написано? К чему все эти странные аллегории и неожиданные сравнения женских глаз с холодным блеском далёких звёзд?», на который автор пространно отвечает своими словами, уходя иногда в такие дебри сознания, что совершенно теряется нить разговора. Литературу я к искусству не отношу. Литература для меня – это ежедневный продукт потребления. Приличные люди всегда читают книги, потому что, только воспринимая чужой концентрированный опыт можно познать широту мира. Литература – это ремесло. Как изготовление обуви или хлеба каждый день. Много брака, но много приличного. А вообще, всё действительно прекрасное в массе своей нам недоступно: это или слишком дорого стоит, чтобы его приобрести, или слишком дешево оплачивается, чтобы им заниматься, – поддерживал Стас-«Жорик» светский разговор по пути к себе домой. Они с «Анфисой» уже час еле двигались во внезапно образовавшейся пробке.

– А ты сам ничем таким не занимаешься? В смысле, рисования, стихов, книг там всяких? – прошупывала «Анфиса» собеседника.

– Религия не позволяет... Есть такой древний, очень эффективный бог «данунахер», – «Анфиса» от неожиданности засмеялась. – Вот как придёт в голову гениальная мысль осчастливить человечество шедевром, вспоминаешь это божество, и так легко становится. Знала бы ты, от скольких косяков он меня уберёт.

– Да я думаю! – с нажимом согласилась «Анфиса».

«Вот мы два урода. Вроде бы, оба умные, внешне привлекательные, возраст хороший, а такой фигнёй, как встречи без обязательств заняты. Что же с нами не так?..», уже не первый раз за день пронеслось в голове у Стаса. Он всё чаще сомневался в правильности своего поведения. «Взрослею, что ли? Захотелось постоянства?..»

На время оба замолчали. Пробка встала намертво. Движения даже на половину корпуса не было уже минут десять.

– Побыстрее никак нельзя? – после паузы спросила «Анфиса» ни к кому не обращаясь. Стаса неприятно резанули сразу два момента: не было обращения, и от него уже начинали требовать что-то сверх его возможностей. Так как обращения не было, он просто промолчал.

– Я, кажется, что-то спросила, – неожиданно раздражённо проговорила «Анфиса». Опять не было обращения, опять была претензия. «Приятно, когда кто попало начинает тобой командовать. Сразу ощущаешь свою нужность», подумал Стас и опять промолчал глядя в багажник стоящей впереди машины. «Таких засых нужно вовремя осаживать». Только что это была нормальная молодая женщина, но произнесла несколько фраз, не думая об интонации, и симпатии как не бывало...

... Стас вспомнил множество случаев, когда старался быть вежливым, добрым, заботливым. К нему обращалась разнеженная «подруга»: «– А принеси что-нибудь вкусенькое... Ну, не знаю, придумай, посмотри, что там есть...». В интонации звучало «угадай, угоди мне». Стас приносил с кухни в кровать что-то, за что надеялся хотя бы получить благодарность. Но звучало: «– Ой, ну что притащил? Зачем? Кто тебя просил это нести? Сам жри это гавно, я не буду! Попросишь тебя, как человека, а всё равно всё самой делать приходится». После такого Стас сразу прекращал все отношения. Позже научился точно выяснять желания, но не всегда мог добиться внятного ответа. Здесь так же не было какого-то точного, чётко сформулированного запроса. А значит, не будет никакой реакции...

– Анфиса, а ты где за границей была? – спросил Стас, повернувшись к заметно разозлённой в последние минуты «Анфисе». Видя её раздражение, он максимально радостно улыбнулся.

– Я тебя, кажется, о чём-то спрашивала! – внезапно зло отозвалась попутчица.

– Ну, я слышал, ты с кем-то разговаривала, но ко мне ты не обращалась.

– А догадаться нельзя? – уже откровенно ругалась «Анфиса». «Кажется, больше встреч не будет. На хрен мне такие крысы сплющились», понял Стас...

... – Понять женщину очень просто, не надо выдумывать, – во время гаражной пьянки учил жизни ещё совсем молодого Станислава пожилой Александр Николаевич, владелец автомастерской, где Станислав подрабатывал летом во время каникул. – Женщина – это тот же мужик, только минус логика и ответственность. И женщину нельзя за это винить, как нельзя винить кошку за то, что она точит когти о дорогой диван. Это в её природе. Так и женщина, она никогда ни в чём не виновата. Если женщине хочется купить сапоги на твои последние деньги – нельзя ей это запрещать: ты будешь виноват, что у тебя нет на неё достаточно денег. А если разрешишь, и потом окажется, что не хватает на хлеб, опять же будешь виноват ты, что не отговорил от дорогой покупки. Если женщина разбивает твою машину, то это ты виноват, что у тебя такая машина, которой она не может управлять, и потому эта машина попадает в аварию. Именно так, звонит мне, уткнувшись носом в забор и скандалит, «почему у тебя такая машина? Ею невозможно управлять! Ты видел, что там три педали? Зачем они там, если на них жмёшь, а она не управляется?!». Да-да, вот такое чудо природы, которое можно только любить и всё прощать.

– Ну, да... А с возрастом, да ещё когда тещей становится – это вообще полное отсутствие мозга, – дополнял второй механик, Василий Игоревич, обладатель двух высших образований, разочаровавшийся в жизни и людях философ, снисходительный ко всем людским грехам, поскольку ничего другого от людей он не ожидал. – Моя теща, царствие ей небесное, всех чертей уже, наверное, вконец задолбала, сколько я её возил в своей машине, никак не могла запомнить, что мне нужно пространство между сиденьями для переключения передач, для правого локтя. Жене я купил машину с автоматом, а сам так и ездил на ручке, да и сейчас езжу. Так вот если куда... маму жены... приходилось везти – всегда один и тот же разговор происходил: «Чё ты постоянно эту ручку дёргаешь? Ты можешь её один раз включить и ехать нормально?!». Объясняю ей, что это невозможно. Она: «Да?! А вот у твоей жены это получается! Один раз включает, и едет. Потому что умеет правильно ездить. А ты всё время дёргаешь! Не умеешь ездить нормально? Да хватит уже дёргать эту ручку, раздражаешь!». Объясняешь ей, что у жены автомат, а тут механика, всё бестолку. А сама жена свою мать терпеть не могла. Мне всегда приходилось везде тещу возить. Ну не бросать же её совсем одну! В такси она категорически ездить отказывалась, всё считала, что её непременно завезут в лес, изнасилуют, ограбят, убьют. Говоришь ей, что никто не будет её насилловать, обижалась: «я что, такая старая и страшная?! Ах, ты ж хамло, сам урод!».

– Но без баб всё равно никак, хоть они и такие, – со смехом констатировал неизбежное захмелевший Александр Николаевич.

– Вот и миримся, любя и всё прощая, со всеми их прибабахами. Ну, за мужиков и бесконечное мужское терпение! – наполнил портвейном стаканы Василий Игоревич и поднял свой над центром замасленного стола.

– Важный тост. Пока остаются мужики, которые вот так могут обсудить – нам не грозит религия, – отозвался Александр Николаевич. – Куда может пойти мужик, если что-то сложное случилось? Домой, к жене. А что он от неё чаще всего слышит? Помнишь, был захват заложников в банке? Уголовники неудачно грабёж провели, да не выбрались вовремя. Так вот там был один, который требовал, чтобы его убили на месте, или отпустили, потому что если он через несколько минут не заберёт жену с работы – она всё равно его просто убьёт. Мол, надо думать, угадывать, и не ходить в банк, который захватят. Так вот он так задрал этих уголовников, что его действительно убили по его просьбе, чтобы его освободить от объяснений, и чтобы она получила компенсацию. Редкий случай, когда баба мужика поддержит. Так вот... Не домой – тогда к друзьям. Друзья всё поймут и поддержат. А если друзей нет – то в церковь, где не осуждают, а принимают и мозги запудривают. Так вот чтобы было поменьше религиозных фанатиков – за мужиков! – опять опустошили стаканы...

– О чём догадаться? – уточнил, отрываясь от ярких воспоминаний юности Стас.

– Ой, всё, останови, я выйду! – потребовала «Анфиса».

– Мы стоим, – напомнил Стас. «Анфиса» дёрнулась было открыть дверь, но справа почти впритык стояла другая машины. Открыть дверь и выйти было невозможно.

– Ты это нарочно? Специально сделал?! – вдруг начала истерить «Анфиса». – Чтобы я не могла выйти?!

– Да выходи, если сможешь, – равнодушно отозвался Стас. – Мне даже интересно, сможешь ли ты это сделать, – засмеялся Стас.

– Ещё чего! Вези давай, куда ехали, – внезапно улыбнулась «Анфиса».

– Мы стоим, – напомнил Стас.

– Ну, так и ладно, все же стоят, – опять совершенно ровным голосом отозвалась «Анфиса». Что это был за вираж в настроении – Стас не понял. «Просто учтём, что может на

пустом месте взбрыкнуть», сделал себе пометку в сознании. – А за границей я мало где была, – вспомнила вопрос попутчица и тут же сменила тему. – Ездила только в Турцию несколько раз, два раза в Италию, один раз в Египет. Я летать боюсь. Каждый раз такой ужас испытываю, особенно при посадке, поэтому всегда в дрова напиваюсь за время полёта...

...Этот жуткий кошмарный сон, давнее воспоминание, события, произошедшие много лет назад, до сих пор не давал Стасу выспаться...

...Ожидание измотало всех. Неопределённость. Неопределённость и ожидание разрешения на вылет в окружении вооружённых людей со злыми страшными бородатыми лицами.

Третий день государственного переворота. Второй день в пыльном, малоприспособленном для большого скопления людей аэровокзале. Столичный аэропорт закрыли для иностранцев сразу же, взлётную полосу перегородили тяжёлыми грузовиками, а всех, подлежащих депортации иностранцев, свозили в этот региональный порт, за 200 километров от столицы.

Здесь были почти все европейцы, которые находились на момент переворота в этой пыльной стране. Привыкшие к комфорту бизнесмены изнемогали от неустроенности. Они капризничали и требовали от страшных, бородатых, молчаливых стражей создания для них нормальных условий за любые деньги. В ответ получали грубые тычки и малопонятное рычание на чужом языке. Редкие туристы были напуганы, кое-как обживали новое пространство, пытались создавать минимальный уют. Через сутки пребывания под стражей, почти в заключении, у большинства дипломатов, изгнанных из своих посольств и консульств, начали проявляться профессиональные навыки военных. Именно сейчас ярче всего было заметно разделение на реальных выпускников дипломатических учебных заведений, и шпионов, прошедших жестокую школу спецназа.

Стас по невероятному стечению обстоятельств оказался в этой перегретой солнцем, пыльной арабо-африканской стране в числе международных наблюдателей на парламентских выборах. Но вместо выборов в день голосования на улицах появились «шахид-мобили», новенькие пикапы «Тойота» и «Ниссан» с пулемётами в кузове. Рядом с пикапами стояли бородатые люди в новой, аж хрустящей форме. Они говорили на разных наречьях арабского языка, но некоторые особенно чернокожие, говорили на чистейшем английском. По протяжному выговору Стас узнал южно-американский акцент, который слышал в Техасе и Луизиане.

– Олаф, ты же шпион, чтоб тебя за ногу! Ну, позвони ты в своё это долбаное европейское ЦРУ, чтобы этого беспредела не было! – возмущённо высказывала Маша русскоязычному Латвийскому дипломату претензию, когда всех белых толчками и пиханиями загоняли в автобусы для доставки в аэропорт от отеля.

– Это американское право, страны-члены НАТО не должны возражать, – сокрушённо отвечал худенький лысеющий мужчина. При СССР он был сотрудником КГБ, после распада Союза – сотрудником Службы безопасности Латвии, а с начала двухтысячных годов стал сотрудником МИДа, атташе по экономическим вопросам в нескольких странах бывшего Союза и Европы. Олаф был знаком со Стасом со времени работы в России. Судьба и совместный криминальный бизнес сводили их и после отбытия Олафа из России в Голландию, а в этой поездке Олаф оказался почти случайно, как «наблюдатель за наблюдателями», имея задачу на дискредитацию российских представителей. Когда выборы отменились из-за переворота, Олаф первый выдохнул с облегчением и по старому знакомству, почти по дружбе, всё рассказал Стасу.

– Эти долбаные черномазые, как холодные нигры, – чтобы излить недовольство и приободрить остальных шуточно бучал Стас, – совсем тёплые. Но такие же, душу их перетак, членисторукые, членистоногие, членистомордые, членистохуие, безысходно тупые, беспросветно

чёрные, бесконечно отвратные, беззащитно-наивные, ни разу не мудрые, омерзительно вонючие, отвратительно-потные, запредельно наглые и так же подчиняются чёрному пипецу...

Это бурчание с перечислением негативных качеств террористов вызвало улыбку, так необходимую в той напряжённой обстановке, у всех, кто его слышал. Стас вспоминал случай, когда заложник требовал его застрелить, потому что от жены получил бы нагоняй за долгое отсутствие. «Да уж, счастливо ему жилось, что бандиты были ему как избавление... Интересно, а эти такими же отзывчивыми окажутся, если к ним кто-то с подобным обратится?»...

...В два часа дня англоговорящие бородачи начали формировать группы на вылет в разные страны. Людей грубо пихали стволами автоматов, вели на лётное поле по самому солнцепёку. Там дожидались посадки авиалайнера, быстро загоняли людей по приставным трапам, и самолёт быстро улетал. К утру четвёртого дня с момента переворота осталась только небольшая русскоговорящая группа и несколько северо-европейцев, за которыми отдельный самолёт никто не посылал, а должны были забрать русские, но с прибытием борта возникла какая-то заминка.

– Не могут согласовать для российского самолёта пролёт через несколько стран по прямой, страна под санкциями, а лететь по кругу – не хватит топлива до дома. Здесь никто дозаправлять не будет, – сообщил подошедший от группы охранников Алекс-«Морж». Такой же грязный, как и все, пахнувший кислым потом, с непослушными лохматыми волосами, заросший щетиной, он стал похож на своих охранников. Только взгляд был подороже. – Попробую созвониться со знакомыми в Хайфе, чтобы там нас приняли, чтобы хотя бы уже просто отсюда улететь, – Алекс опять пошёл к охранникам.

– Этот еврей вечно знает больше других! Учись, Олаф, как дела делаются! – произнёс Ильдар, казанский татарин с тускло-рыжими волосами, узкими глазами, бело-веснушчатой кожей. Почти всегда его лицо было по-монгольски неподвижным, поэтому он умел особенно смешно рассказывать самые простые анекдоты.

– Я не знаю ни одного дела, которое бы не получилось, если за него берётся Алекс, – тихо сказала Маша, глядя, как после разговора с жестикуляцией руками Алекс вместе с двумя чёрными американцами пошёл в диспетчерскую. – Не удивлюсь, если эти мусульмане ему ещё и рюмочку нальют да салом закусят предложат.

Алексея Жорэсовича Моршанского любя называли «Морж» не по причине его любви к холодной воде, Алекс как раз любил тёплые моря, а с намёком на его национальность: «морда жидовская». В ответ на «Моржа» Алексей отшучивался: «завидовать не хорошо».

– Ильдар, а ты с единоверцами разговаривать не пробовал? Может быть, и ты бы с ними чего сообразил для нас? – предложил Стас. На третий день на бетонном полу почти без воды, еды и нормального сна, в пропылённой одежде для Стаса был приемлем уже почти любой вариант, сулящий хоть какое-то облегчение. Очки, которые он не снимал уже пятые сутки, натёрли на грязной коже носа и ушей болезненные мозоли.

Страх первых часов уже не было. Была только усталость. Всё вокруг потеряло значение. Наступил «апофигей» – апогей состояния «всё по фигу».

– Я православный мусульманин, эти ваххабиты-хоббиты меня ещё раньше вас кончат, если что не так пойдёт, – спокойно констатировал Ильдар.

...Через час всех подняли и повели на лётное поле. Алекса нигде не было видно.

– Надеюсь, он не останется заложником? – встревожилась Маша. Ей никто ничего не ответил. Все уже слишком устали, и думали только о себе.

Ещё через три часа под белым раскалённым солнцем в небе появился самолёт, который очень быстро сел и сразу остановился. Алекса так и не было.

Начали загонять людей внутрь, в прохладный кондиционированный воздух. Алекса так и не было.

Сильно измотанные люди садились в такие удобные кресла и почти сразу начинали дремать. Позвоночник уже не держал тяжёлую голову. Веки сами падали на глаза...

Алекса так и не было. Машу прорвало рыданием. Она лающе плакала пересохшим горлом почти без слёз от обезвоживания. Её никто не успокаивал: на это не было сил. Почти все, ещё не успев устроиться в кресле, сквозь дрему набрасывались на еду и воду. Самолёт начал движение. Алекса так и не было. Самолёт несколько раз трогался, катился, останавливался, опять катился, поворачивал, останавливался. Двери в носу и хвосте то открывались, то закрывались, то вновь открывались. Кто-то входил и выходил. Звучала арабская и английская речь. Сквозь дрему утомления и сытости Стас уже туго соображал, не мог понять, куда и для чего они двигаются, почему не взлетают...

...Маша продолжала тихонько всхлипывать, но уже дремала, и не заметила, как в последний момент перед началом движения самолёта на взлёт в заднюю дверь вошёл невероятно свежий, гладко выбритый, улыбающийся Алекс-«Морж», проскользнул в единственное пустое кресло на заднем ряду, с облегчением выдохнул. Он приложил палец к губам, улыбнулся смотрящему на него между креслами, как всегда без выражения на лице, Ильдару. Ильдар кивнул, и тоже облегчённо выдохнул. Его бесцветное лицо в этот раз выглядело измученным. Стас взмахнул Алексу и почувствовал, что больше ни на что не способен: из него как будто все кости вынули...

...Алекс никогда не объяснял, что он так долго делал и как ему удалось привести себя в порядок. Всегда отшучивался: «Знаете, в чём разница между моей еврейской мамой и арабским террористом? С арабами можно договориться»...

...Самолёт быстро начал разбег прямо по рулёмной дорожке резко задрал нос и прямо на взлёте начал резкий поворот влево с очень большим углом крена. В иллюминаторе мелькнула группа солдат у грузовиков. Из автоматов некоторых шёл густой дым от длинных очередей: они стреляли в сторону улетающего самолёта, без особого стремления попасть, просто так.

...Через несколько часов Стас проснулся от невероятного желания посетить туалет. Аккуратно, чтобы не расплескать и донести своё внутреннее содержимое, он встал из кресла и пошёл к туалету в носу самолёта. Дверь в кабину пилотов была открыта. «Всё же счастье – это очень широкое понятие», думал Стас, становясь с каждым выпущенным из себя миллилитром всё легче. Выйдя из узкой кабинки туалета, заглянул через распахнутую дверь в кабину к пилотам.

– Ну, чё, мужики, как тут у вас? – хриплым от сна голоса спросил сидящего ближе всего бортинженера. Тот повернул к нему напряжённое лицо, ничего не ответил. – Что, топлива осталось на пять минут? – догадался Стас, внутри всё похолодело.

– Летим уже лишних двадцать, – так же напряжённо ответил бортинженер. В его лице не было ни кровинки, глаза запали, почти синие губы были стянуты в узкие полоски. Всё лицо какое-то ощеренное от животного ужаса.

На альтиметре, высотомере, Стас увидел показания 12 360 метров. От понимания дальнейшего развития событий стало совсем не хорошо.

– Я постою тут, вдруг понадобится, ладно? – попросил Стас. Хотя чем он мог понадобиться – он и сам не знал. Просто сказал. Ему была невыносима мысль, что сейчас он вернётся в кресло и будет просто сидеть.

– Перед посадкой пристегнись обязательно, – через плечо разрешил бортинженер.

Самолёт плавно забрался уже почти на 13 000 метров, когда отключился первый двигатель. Между пилотами произошёл быстрый обмен информацией и командами: «во втором двигателе газ на пять процентов», «выпустить вспомогательную силовую установку», «рули высоты установить на десять градусов», «выпустить закрылки и предкрылки...». Самолёт начал планирование. По сути, это было длинное горизонтальное падение. В салоне стало неожиданно тихо без свиста турбин. От тишины начали просыпаться другие пассажиры.

– Прошу всех привести спинки в вертикальное положение, пристегнуться, приготовиться к жёсткой посадке, – спокойно, размеренно объявил командир корабля в салон по громкой связи.

– Всё, иди на место, – распорядился бортиженер.

Стас на ватных ногах прошёл на своё место. Просидел секунд десять, показавшиеся вечностью. Потом достал неожиданно крупно затрясшимися руками шариковую ручку, завернул левый рукав и начал на предплечье писать своё имя, фамилию, дату рождения, группу крови. То же нацарапал латиницей. На свободном месте около запястья вписал «RUS». Паспорт переложил в нагрудный карман рубашки. Большого для собственного спасения или облегчения опознания тела он сделать не мог.

Сидевшие рядом пассажиры, туристы, начали со слезами обниматься. Признаваться в любви, говорить друг другу слова, которые должны были сказать уже давно. После этого попросили у Стаса ручку и начали на каких-то обрывках бумаги писать прощальные письма родным. «Если повезёт и будем живы – они этих писем будут стесняться, вместо того, чтобы сказать всё написанное лично...», подумал Стас, прочтя несколько вычурных строчек.

... Это был старый, давно необслуживаемый аэродром, который в семидесятые годы был построен как аэродром подскока для самолётов дальней авиации, но почти не использовался. Последних тридцать лет он был попросту заброшен за ненадобностью и неудобством расположения. Траву с полосы регулярно убирали солдатики из окрестных танковых частей, но этим обслуживание лётного поля и инфраструктуры аэродрома ограничивалось. Стас в иллюминатор увидел полосу, когда пилоты начали задирать нос, чтобы увеличить сопротивление воздуха и снизить слишком высокую скорость. Второй двигатель заглох уже давно, включить реверс было невозможно. Если не снизить скорость, то самолёт проскочит полосу и ударится о деревья: подняться на второй круг он не сможет. А снизить скорость всё не получалось. Даже выпущенные шасси ситуацию не исправляли. И тут Стас, как и все остальные пассажиры, испытал один из самых сильных страхов в своей жизни: для снижения скорости пилоты начал выполнять «боковой снос». Это способ снизить скорость на лёгком одноместном планере, который никто никогда не выполнял на большом пассажирском самолёте. Пилот убрал шасси, резко повернул руль направления до упора так, что самолёт развернуло левым бортом вперёд. Самолёт несколько секунд летел левым крылом вперёд, пока правое крыло не начало приподниматься, грозя опрокинуть весь самолёт. Тогда руль направления был вывернут в обратную сторону, и почти остановившийся самолёт опять полетел носом вперёд, но из-за нехватки скорости начал наклоняться носом вперёд уже сильно, подъёмной силы крыльев не хватало даже при том, что закрылки, предкрылки, рули высоты были выдвинуты до упора.

Когда повторно выпустили шасси, самолёт как будто на преграду наскочил, так дёрнулся. Скорость упала до критически низкой, отчего нос самолёта начал наклоняться вперёд.

В салоне поднялся оглушительный шум от криков страха.

Стасу в голову пришла неуместная для той опасной ситуации мысль: «Первыми во время катастроф эвакуируют женщин и детей, чтобы спокойно, в тишине и без воплей заняться решением проблемы».

Выпущенные шасси ещё больше снизили скорость, и самолёт ударился в самое начало полосы передней стойкой, отчего она подломилась, и самолёт закрипел металлом носа по старому асфальту. Колёса оставшихся шасси из-за неверной, нерасчётной нагрузки начали лопаться одно за другим. Самолёт начало крутить и вынесло за пределы полосы, на сухую траву. От трения между металлом и асфальтом с высечением большого количества искр сухая трава на обочине полосы загорелась под носом самолёта, когда он остановился. С хлопком открылись аварийные и основные выходы, но аварийные трапы почему-то не надулись. Люди начали выпрыгивать из разгорающегося самолёта прямо так, на крыло, а с крыльев на землю. Суতোлка и толкотня в разгорающемся самолёте пугала ещё больше. Кто-то вытаскивал свой багаж

из-под кресла, перегородив выставленным задом узкий проход, кто-то лез прямо по спинкам кресел к ближайшему выходу. Стас увидел, что Маша, Ильдар, Алекс и Олаф уже выскочили наружу, и тоже выскочил на крыло, а оттуда на землю. Над головой кружили два военных вертолёта. Пилоты по тросам вылезали из окон кабины. У первого пилота застряла нога, ступня в окне, он висел прямо над огнём. После нескольких рывков сумел выдернуть ногу из туфли, прыгнул на землю, прихрамывая отбежал в сторону...

...Самолёт полностью выгорел за час. Так как в баках не осталось ни капли топлива, взрыва не было. Было много чёрного дыма, оранжевого пламени, шипящих и плюющихся звуков. Пассажиры и экипаж, все целые, сидели и лежали в тени деревьев, прямо на земле. Рядом стояли удивлённые и напуганные солдатики из окрестных танковых частей...

– Если со мной на одном рейсе будет Том Хэнкс – я сразу сойду с этого самолёта: куда он ни полетит – всё трагедии какие-то и катастрофы: «Изгой», «Апполон-13», «Чудо на Гудзоне», «Капитан Филлипс»... – вымученно шутил Стас, чтобы успокоить мелко дрожащую бледную Машу.

... Стас встрепенулся. Это жуткое воспоминание уже очень много лет мучило его в самые неподходящие моменты...

– Да, напиваться в полёте – это бывает полезно, – неожиданно хрипло согласился Стас. Они так и стояли в пробке без движения. Где-то впереди начали раздаваться раздражённые сигналы.

– Ну, вот чё они все тут встали? – уже грустно произнесла «Анфиса». – У тебя дома еда есть? А то пока приедем, уже ужинать надо будет. – Стас кивнул. – Выйти бы, распинать все эти машинки!

– Ты думаешь, это так просто? – вдруг задумался Стас и выдал вслух размышление: – Странно, как в кино всякие приبلудные годзилы легко ломают большие здания. Вот я по дому хожу, тумбочка мне по колено, а ударишься о неё – ой, как больно! Машины тоже не самые хрупкие предметы. Долго их пинать не получится.

– Вообще да, да... А ведь да! – согласилась «Анфиса». И без перехода продолжила какую-то свою мысль, видимо навеянную упоминанием про приبلудную годзилу: – Женщинам нужно много денег на внешность: маникюр, укладка, косметика... Хорошо мужикам: сразу красивыми родились.

Стас засмеялся. Эти перепады в настроении могли раздражать, но в то же время показывали всю женственность «Анфисы».

– Сказало шило тараканам: вам хорошо-о-о, вы в голове-е-е! – ответил Стас своим мыслям.

– Как это? – не поняла «Анфиса». – А, поняла... Стой, это ты про что?

Стас начал смеяться в голос. «Анфиса» заулыбалась. «Это она серьёзно или дурака валяет?».

– Угадай! – сквозь смех ответил Стас. – Про твою эффектность.

– Ты считаешь меня эффективной? – искренне удивилась «Анфиса».

– Ага... Если вы хотите сделать комплимент, но не знаете, какой, скажите человеку, что он эффективный. А вот какой эффект он производит, можно не сообщать, – разъяснил Стас. Попутчица начала усиленно думать, что-то поняла, ничего не ответила. Потом немного недовольно сказала:

– Ты тяжёлый человек. Тугой какой-то. А сначала показался нормальным. Надо всё делать как-то легче... – «Анфиса» не сумела закончить свою мысль. Ей, видимо, хотелось ответить как-то хлестко, но придумать ничего не получалось.

– Лев Толстой оставил нам мудрость, что все лучшие поступки совершаются не бурными внешними порывами, а тихой работой над своей душой. Все двери в святые покои отворяются на себя и с усилием. Легко, одним толчком, отворяются только двери в погибель. Я стараюсь подольше остаться в рядах живых, – проговорил Стас.

– Ты был женат? Забыла раньше спросить.

– Пока живой – не женись, говорят. А товарищ у меня есть, так он про себя так говорит: женат два раза неудачно – одна жена ушла, вторая – нет. Я не был женат. Ни разу. Не уверен, женюсь ли вообще... Я, в принципе, хотел жениться, но как-то ни одна из девушек, которых я приводил знакомится, не нравилась матери. Однажды я привёл девушку, похожую на мать, так тут отец просто на дыбы встал и с матюгами прогнал и эту... – отшутился Стас. Через несколько секунд, после усмешки, продолжил: – Не надо в ЗАГСе спрашивать у мужиков всякую ерунду про горе и радость. Надо сразу спрашивать, готов ли он быть постоянно во всём виноватым, часто голодным, всегда всё обязанным... Чтобы не портить себе жизнь – не женись и не выходи замуж, вообще не живи вместе: жить вместе – это значит решать проблемы, которых никогда бы не возникло, если бы люди не стали жить вместе... – не мог остановиться Стас.

– А тебе вообще какие женщины нравятся? – прервала его «Анфиса».

– Мне просто нравятся женщины, – не стал конкретизировать Стас.

Стас очень любил шатенок, было в них, для него, что-то домашнее, особо притягательное. Отношения с шатенками у Стаса всегда строились очень легко. А воспоминания были только самые тёплые, прямо солнечные...

...Это было очень давно, Стасу едва исполнилось 19 лет. По студенческому билету он часто ездил одним днём в разные города, просто чтобы узнать свою страну. Старался выбирать города, куда можно было приехать утром, день гулять по городу, питаться хлебом и кефиром за копейки, а ночью спать в поезде на пути домой. В тот раз Стас впервые в жизни столкнулся с задержкой поезда на сутки. Эти сутки предстояло коротать на вокзале...

... – Я Каринэ, имя от моих армянских корней. Карина – это, скорее, татарка, а я Каринэ, армянка, если это для тебя что-то значит, – во время прогулки в парке рядом с вокзалом объясняла бархатным кошачьим голосом чрезвычайно милая девушка с каре чуть ниже подбородка. Её нельзя было назвать обворожительной красавицей, но Каринэ была такая лапушка, такая милая, с добрыми карими глазами, круглым носиком, мягкими губками, лёгким пушком на верхней губе и щеках, который золотился в проходящем свете солнца, изящной длинной шеей. «Никогда, слышишь? Никогда! Никогда не говори девушке, что у неё красивые усы! Никогда! Даже если усы действительно очень красивые...», подумал Стас, когда заметил этот нежный пушок. – Почему мы вообще стоим? А ну-ка садись! Да, на эту скамью! Садись! А я сяду к тебе на колени.

Каринэ решительно села верхом на колени к Стасу, отчего высоко задралась её белая юбка.

– Ты когда будешь меня целовать? – настойчиво спросила Каринэ. Она нависла над ним, водила головой и щекотала концами тяжёлых волос Стасу лицо, оставляла на очках следы. – Будешь меня целовать? Или где?

Их случайная встреча в ожидании поезда несколько часов назад стремительно перерастала в роман. Но Стасу вдруг стало почему-то невероятно грустно. «Ты такая чудесная. Что я могу тебе предложить?..», думал он в этот момент. Очень захотелось притянуть к себе эту чудесную девушку, начать целовать её мягкие губы, растворится в ней, и будь что будет. Вместо этого Стас тяжело вздохнул и заговорил о том, что его именно сейчас так беспокоило:

– Я очень хочу тебя расцеловать. Прижать к себе, затискать, целовать и не отпускать. Я хочу тебя, ты такая притягательная! И в первые дни у нас будет всё очень хорошо. Я буду рассказывать тебе анекдоты, пересказывать истории из книг, которых ты не читала, ты подумаешь, что я умный, остроумный, весёлый, возможно, щедрый. Сколько-то времени мы будем близки просто так, а потом наверняка возникнет вопрос, что же с нами будет дальше? А ничего другого я тебе предложить не смогу. Только те же анекдоты и близость без будущего...

– А ты думаешь, мне от тебя нужно что-то другое? Кроме анекдотов и простой близости на несколько дней? – серьёзно перебила страдание Стаса Каринэ. – Или ты думаешь, что я мечтаю вот так сразу связать свою жизнь с первым встречным? Без обид. Какой же ты ещё глупенький. Такой большой, а такой маленький, такой неиспорченный. Это всё, что ты хотел мне сказать? Тогда будем считать, что пятиминутка нытья закончена. Так ты будешь меня целовать?..

...Но было и другое событие, связанное с шатенками оно оставило у Стаса тяжёлое чувство...

... Впервые Стас увидел Дашу, когда ей было 17 лет. Она приехала к ним в туристический палаточный лагерь в сопровождении мужчины, которому было уже полных 25 лет. Его Стас не запомнил, а вот Даша запала в его душу сразу же, так сильно, как не западала ни одна другая женщина, ни до, ни после. Смесь чувств и мыслей на мгновение выключили всё его сознание. Это было какое-то чувство особой влюблённости, заполняющее всё внутри, вытесняющее другие мысли. У Амура в миг встречи Стаса и Даши заклинило гашетку и вместо одного выстрела из детского лука, он выдал длинную кучную очередь крупнокалиберных стрел из стационарной баллисты, которой разнёс ко всем чертям сердце и мозги несчастного Стаса. В свои 17 лет Даша была прекрасна. Тяжёлые густые тёмно-каштановые волосы, яркие красивые брови, умные карие глаза, яркие алые губы, ровные белые зубы.

Даша всегда была чужой женщиной. Между Стасом и Дашей существовали только приятельские отношения. Стас любил Дашу для себя, внутри, никогда ей про это не говорил. Каждая их встреча на улице или в компаниях была праздником, радостью, воспоминания о которых хранились глубоко в душе, и всегда согревали Стаса.

Их последняя встреча, почти разрушившая внутренний мир Стаса, произошла случайно, в аэропорту Риги, пять лет назад. В тот раз Стас участвовал в контрабанде культурный ценностей и драгоценных камней из Голландии в Турцию. Его доля в том деле составляла пятьдесят тысяч баксов. Контрабанда шла из Амстердама поездом в Швецию, оттуда на пароме Стокгольм-Рига через Балтийское море, из Риги самолётом в Стамбул. В этой цепочке было задействовано семь человек, рисковавших получить очень большие неприятности как от официальных властей, так и от конкурирующих криминальных группировок. Общая стоимость «посылки» – двух картин Монэ и восемнадцати огранённых бриллиантов весом по 22-24 карата – составляла почти миллион долларов. Весь план разработали два хитровыделанных дипломата, Латвийский и Норвежский, Олаф и Мёрве. Как и всякие дипломатические работники, они были в большей степени шпионами, классическими авантюристами, которые используют служебное положение для достижения личных целей и удовлетворения личных нужд, чем представителями своего государства, поэтому продумали всё до мелочей, привлекли только нигде не засвеченных людей. Никакого контроля и прикрытия на маршруте. Никто из участников цепочки не имел каналов сбыта, во всём абсолютная секретность, потому что в случае провала, кроме простой уголовщины, маячили обвинения в шпионаже. Отклонения от плана недопустимы. При всей запутанности и сложности плана это был единственно возможный вариант пересылки. Прямой перелёт, а тем более наземная перевозка напрямую из Амстердама или Стокгольма в Стамбул были невозможны, поскольку эти рейсы проверялись турками весьма тщательно. Самим дипломатам, которых не досматривают, было бы трудно оправдать свои

поездки без задания резидента, а значит вероятность провала ещё выше. Регулярные рейсы из Прибалтики турки проверяли формально.

В задачу Стаса входило получение «посылки» от курьера из Стокгольма в гостинице с названием «Ради ун Драуги», «Друзья и родственники», в самом сердце Старой Риги переупаковка тайника в свой багаж, перелёт в Стамбул, передача курьеру, который передаст ценности неизвестному заказчику. Оплата по возвращении в Россию, в автосалоне, по документам о возврате денег покупателю в связи с непоставкой машины...

Стас уже сидел перед выходом на посадку, чтобы его расслабленного заранее видели таможенники, отвлечённо в уме пытался повторить работу кинооператора при съёмке порнофильма: от таких мыслей о нюансах профессии на лице регулярно появлялась улыбка или усмешка, которая должна была показать наблюдательным сотрудникам аэропорта, что пассажир ведёт себя расслабленно, а значит не переживает перед досмотром и вылетом, такого можно особо не шмонать.

– Стасян! Лохматый! – вдруг услышал Стас знакомый голос, отчего сердце забилось радостно. Этот любимый голос, его можно было слушать бесконечно!

– Дашенька! Здравствуй, солнце наше ясное! Ты как здесь?! – искренне удивился и обрадовался Стас. Какая же это радость, увидеть Дашу! «За эти пятнадцать лет она стала ещё прекраснее!», рассматривал Стас подходящую к нему нежно любимую женщину. Даша уже дважды была замужем, родила двух детей, заметно прибавила в весе. Когда-то тонкие руки и хрупкие плечи стали округлыми, талия стала шире, но осталась такой же пропорциональной по отношению к округлившимся бёдрам. Улыбка алых губ стала какой-то мудрой.

– Куда это ты собрался? – не отвечая на вопрос, сама спросила Даша.

– В Стамбул, – ответил Стас правду, – по делам.

– А что тебе там без меня делать? Давай лучше со мной, обратно, домой, – предложила Даша. От этого всё внутри у Стаса оборвалось.

– Надо. Очень надо. А оттуда уже и домой, – отозвался Стас.

– Никуда ты не полетишь. Я тебя не отпускаю, – уверенно заявила Даша, прямо глядя в глаза Стасу. – Я тебя, может быть, люблю. Я, может быть, специально сюда за тобой приехала. Хочу жить с тобой, ребёнка от тебя хочу...

Стас перестал соображать. Сколько же власти над ним было у этой женщины, которую она проявила в нескольких словах! К чёрту все дела! Никто не будет ему указывать! Он прямо сейчас обменяет билет, оставит контрабанду и документы «на машину» в кабинке туалета и навсегда останется с ней, с ненаглядной, с самой прекрасной женщиной! Плохо помня себя, Стас впервые за всё время их знакомства обнял и притянул к себе Дашу. Она улыбнулась, не отвечая на его объятие. С колотящимся сердцем Стас потянулся вытянутыми губами вперёд, чтобы впервые поцеловать её, самую прекрасную...

– Нет-нет-нет, не надо, не целуй меня, пожалуйста, – нахмурила брови Даша и начала отстраняться от него. На них укоризненно смотрел мужчина. Он подошёл несколько секунд назад, поставил на пол сумку и смотрел очень нехорошим взглядом.

– Пусти! Это мой муж! – ошарашила Стаса Даша. Он разжал опустевшие руки, она подошла к своему мужу и что-то непрерывно ему заговорила, увела его в сторону, со Стасом не прощалась. А весь мир Стаса рухнул. Почернел... Опустевший, с тёмными кругами в глазах, он едва стоял на ногах. За несколько мгновений вся сказка, которую он так лелеял внутри себя столько лет, исчезла.

Вспомнилась самая первая мысль, та, которая неосознанно пронеслась в мозгу Стаса в первую секунду, когда он ещё даже не знал имени Даши, а только увидел её в сопровождении взрослого мужчины: «Мелкая мерзавка, старых козлов совращает!». Сейчас эта мысль стала доминирующей: «Мерзавка! Какая же мерзавка!.. Зачем она всё это мне наговорила?! Зачем?!». Трудно было возвращаться в этот мир.

Нужно было проходить паспортный контроль и досмотр. В таком состоянии Стас мог привлечь внимание и завалить всю операцию, но выбора не было. Стасу стало всё равно. Если поймают – так даже лучше. Жить больше незачем. К нему действительно внимательно присмотрелся латвийский пограничник.

– С вами всё в порядке? – на русском спросил служивый.

– Бабы, – тяжело уронил Стас непослушным языком. – Долбаные бабы, – вложил всю горечь в ответ Стас.

– Красивая? – певуче уточнил пограничник.

– Очень. Вон она, третья от рамки, – головой указал Стас на соседнюю очередь.

– Решила ехать с другим? – продолжал допрос пограничник. Стас с тяжёлым вздохом кивнул. Пограничник видел всю сцену несколько минут назад, молча вернул Стасу паспорт и махнул рукой, веля проходить на посадку минуя досмотр.

Больше Станислав с Дашей не встречался. Он не мог её забыть, свою любовь к ней, простить свою ненависть... «Время, конечно, лечит, но как в бесплатной больнице», иногда думал Стас про Дашу.

– А я просто мужчин люблю. Замуж, семью – не хочу. А мужчин люблю. Особенно тех, кто не конючит и звонками с сопливой любовью не донимает. Вот, я вроде и женщина, а всякую сопливую любовь не выношу, – ответила через паузу «Анфиса». – Детей вообще никогда не хочу. Не выношу их...

– Что так? – удивился Стас очередному перепаду настроения.

– Несколько лет назад, когда родственнички меня уже задолбали, что пора замуж, я заявила своей семье, что я злостная чайлд-фри, не хочу детей и семью. Что тут началось... Что началось... Как все на меня накинулись... Что дети – это предназначение любой женщины. Только забыли, что когда мне было семь лет – на меня взвалили трёхмесячного брата, а в девять лет прибавилась новорожденная сестра. Что меня лишали всех детских прогулок и радостей, потому что я должна была следить за детьми, мыть их, менять пелёнки. Забыли, как родители меня били, когда эти мелкие уроды орала, что я не могу их успокоить. Как на меня в двенадцать лет взвалили водить младших с утра, ещё до школы, в детский сад и забирать их потом каждый день. Как меня лишили содержания, когда я после девятого класса сбежала из дома в другой город, в училище, потому что родителям теперь пришлось самим «ставить на ноги» этих малолетних недоумков, и я сама себе зарабатывала с пятнадцати лет. Нет уж, спасибо, теперь я ненавижу детей. Теперь я буду жить только для себя. Детей я уже навоспитывалась. – После молчания добавила с какой-то горечью: – Как я выросла, так «все твои друзья и одноклассницы уже замужем, детей завели, и тебе пора». А как в детстве – «а если все пойдут с горы прыгать – ты тоже пойдёшь?». Главное, всегда знают, что мне лучше, а меня не спрашивают. Понимаю вас, мужиков, которые баб истеричками считают. Я тоже баб терпеть не могу! Особенно яжматерей!

– Обожаю жизнь... Первую половину жизни зарабатываешь себе комплексы и психотравмы, а вторую половину пытаешься от них избавиться. Чудесно... – проникся рассказом «Анфисы» Стас. – Как это у Александра Галича: я живой ещё пока, но, как видишь, дёрганый...

– Каждая девушка немножко Мэрлин. Но только некоторые из них Монро, а остальные Мэнсон, – улыбнулась «Анфиса». – Я тебя уже раздражаю, да? Ничего не могу с собой поделаться... – «Анфиса» помолчала. Зевнула, продолжила: – Обожаю, когда кто-то говорит «у меня сложный характер» и выдаёт это за достоинство. А на самом деле это просто тупой, невоспитанный мудака. Просто сидит в человечешке говно, а он его гордо называет «сложный харак-

тер». И я такая же, – опять грустно закончила «Анфиса». – А что у тебя дома из еды есть? Я уже сильно голодная, аж звереть начинаю.

– Всякое есть. Супчик, борщик, мясо с картошкой, вермишелька с котлетками, – задумчиво перечислял Стас, продвигаясь на несколько сантиметров вперёд.

– А чего так много всего? – искренне удивилась «Анфиса».

– Люблю вкусно и много поесть, готовить люблю, – признался Стас.

– А ты хорошо готовишь?

– Да. Лучше многих женщин. – «Анфиса» удивлённо-недоверчиво приподняла брови. Стас усмехнулся и развил тему: – Мужики лучшие в мире повара, но готовят редко. Мой опыт показывает, что мужик, поедая современную женскую еду должен молчать, когда приготовлено не вкусно, и не молчать, когда вкусно. Поэтому есть мужское правило: когда я ем, я глух и нем... А моюстряпню едят с похвалами. Кстати, знаешь лучший рецепт на восьмое марта? Записывай: берёшь одну женщину, используя вино или коньяк очищаешь её от верхней одежды, выкладываешь на кровать. Если женщина настоящая, то от неё вкусно пахнет и мыть её не надо. После этого разглаживаешь её по всей длине и начинаешь жарить тридцать-сорок минут, или дольше, если получается, но регулярно переворачивая, до образования довольного румянца. Блюдо готово!

«Анфиса» засмеялась.

– Мне этот рецепт не пригодится. Я теперь на двадцать третье февраля буду этот рецепт использовать, только женщину на мужика замену, – решила «Анфиса».

Внезапно вся пробка неожиданно двинулась, как будто ничего не было. Машины быстро двинулись вперёд. Проезжая перекрёсток, Стас увидел, что все четыре светофора горят красным, а движением управляет регулировщик.

– Вон оно что было, светофоры покраснели, – объяснил Стас.

– Я бы сейчас всё из твоего холодильника сожрала, – призналась «Анфиса».

– Потерпи, скоро приедем, я уже тоже хочу есть.

– Есть я хотела час назад. Сейчас я хочу жрать! – с нажимом громко рявкнула «Анфиса». – Не понимаю, как можно сидеть на диете. Я сдохну на утро, если с вечера не поем, – продолжала «Анфиса».

– Фитнесс-клуб «Тарас Бульба»: «Мы боремся с ляхами!», – пошутил Стас. «Анфиса» закрыла глаза и беззвучно засмеялась, потом набрала воздуха в грудь и звонко в голос захотала.

– Инквизиция займётся сжиганием ваших жиров! – сквозь хохот выдала попутчица.

Она смеялась ещё несколько минут, пока не приехали во двор к дому Стаса. Места во дворе было много: все соседи разъехались на дачи.

– Хорошо у тебя, – оценила «Анфиса» жилище Стаса. – Снимаешь? Своё?

– Своё, купленное, – уточнил Стас.

– Корми меня скорее, а то я уже не знаю, что от себя дальше ждать, – потребовала «Анфиса». – А ты потом меня назад повезёшь или можно будет у тебя до завтра остаться? Правда, я с собой не взяла ничего, но это решаемо?

– Ещё четыре часа дня, давай до вечера доживём, – не стал ничего обещать Стас, прошёл на кухню. – Что будем вкушать?

– Мяса! Ты говорил, у тебя там котлетки с вермишельной были.

– Кофейку?

– Со сгущёнкой!

Стас щедро всыпал в ковшик молотый кофе, залил холодной водой, поставил на газ. На сковородку вывалил вермишель и десяток крупных котлет. «Анфиса» шлёпнулась на стул, вытянула ноги.

– Первый раз встречаю мужика, у которого такие чистые, белые полотенца в кухне и в ванной. Ты точно не женат? Как женской рукой выглажены, – оценила «Анфиса» ванные и кухонные полотенца.

– Люблю простой порядок. У меня и беспорядка бывает достаточно, но всё, что можно выстирать и выгладить стираю и глажу.

– И тебя до сих пор ни одна баба не прихватила? Герой!..

Через десять минут «Анфиса» начала вгрызаться в котлеты.

– Блин, и правда хорошо сделано, вкусно! – прихлёбывая крепкий кофе, с набитым ртом нахваливала «Анфиса». – Я так точно не умею. Максимум что могу – это яичницу и курицу на сковородке. А так, чаще всего, пельмени варю. Ненавижу готовить, в детстве наготовилась. Я теперь к тебе буду приезжать вкусно поесть. Не знаю, какой ты любовник, но готовишь ты классно. Сейчас как два колобка будем толстыми животами стукаться! – засмеялась заметно порозовевшая «Анфиса». – Ты так не смотри, я от кофе всегда краснею. Через пару часов пройдёт. Всё, я готова. Веди меня в спальню. Спать буду... – блаженно улыбнулась.

– В душ. Сначала в душ. Обожаю мокрых мыльных женщин. Позволишь тебя помылить?

– Хм! Какое заманчивое предложение. Смотри, привыкну, что кормишь, мылишь...

– Привыкай, мне не жалко. На колени ко мне сядешь?.. Хочу тебя сначала поцеловать.

«Анфиса» помедлила, потом встала, села на колени к Стасу, обняла руками за шею, внимательно посмотрела в его глаза.

– Ты первый, кто не пытается меня напоить перед тем, как лечь со мной в постель, – сообщила «Анфиса».

– Это упрёк, что я пытаюсь на тебе сэкономить? – отшутился Стас. «Анфиса» засмеялась. Стас притянул к себе её голову и начал целовать. «Анфиса» ответила ему, прижалась крепче...

– Ты смелый! Это правильно. Подумавай – решайся. А решившись – не думай! Пошли в ванную, хочу, чтобы ты меня намылил!..

... В 9 вечера Юля и Стас спустились к машине.

– Засыпать вместе, конечно, романтично. Но потом лежи, слушай храп, подтирай текущие слюни со своего плеча, протись с одеялом, получи локтем в глаз... – собираясь говорить утомлённая Юля. «Анфиса» не стала ждать третьей встречи, и в конце первой назвала своё настоящее имя, Юля. Уточнила, что друзья и знакомые часто называют её «Юлька-кастрюлька», «потому что крышка часто съезжает». – Ты мне пока что не изменяй. Ты мне понравился. Есть грех уныния. Есть грех прелюбодеяния. Но самый большой грех – это грех унылого прелюбодеяния. Со мной тебе будет весело, а с другими, по сравнению со мной, уныло. Ну, вези меня к моей соседке. Будем тебя с ней остаток вечера обсуждать...

... Это был выходной день. Солнце начало расквариваться после обеда. За несколько минут его яркость возросла так, как будто в коробке от холодильника включили прожектор на десять тысяч ватт. Следом за светом пришёл жар. Бытовые спиртовые термометры в тени зашкалили и начали лопаться, потому что стеклянные трубки разорвал вскипевший спирт. Пластиковые окна начали перекашиваться и заметно оплавляться.

Яркий белый свет слепил глаза и не давал рассмотреть происходящее. А посмотреть было на что: мимо, тяжело ступая, шёл огромный чёрный динозавр. Он шёл за уходящим солнцем по раскалённой, шевелящейся от жара земле.

Когда солнце ушло за горизонт в наступившей тьме стало заметно сочащееся маревом из трещин в земле оранжево-красное свечение.

– Это раскалённое инфра-красное излучение. Это конец, – проговорил кто-то рядом.

В выжженном воздухе было очень мало кислорода. На каждый вздох требовалось огромное усилие...

А на следующий день начался дождь.

– Это был выброс солнечного протуберанца, за сутки он сжёг Землю и пролетел дальше. Теперь вся испарённая влага, которая ещё не улетела в космос, начнёт выливаться обратно.

– Много испарилось? – уточнял Стас.

– Полностью растаяли льды на полюсах, и всё равно океаны на сто метров стали мельче. Все моря на материках, без связи с океанами, высохли начисто. Теперь это всё обратно выливаться будет, пока не выльется...

Сотни дней и ночей потоки воды изливались с тёмного неба. Вода с улиц не уходила уже давно.

... – Они хотят нас отсюда выгнать! Говорят, теперь их очередь здесь жить! – кричала, упираясь во входную дверь маленькая девушка. Дверь, которую она сдерживала, дёргалась под ударами снаружи.

– Они просто хотят нас съесть. У них там снаружи вся еда давно закончилась, – отвечал ей кто-то с другой стороны таким голосом, от которого веяло смертной тоской всего человечества.

Битвы за возможность жить на верхних этажах развернулись сразу после начала потопа. С трудом двигаясь, Стас подошёл к выходу, лёг на пол, упёрся ногами во входную дверь, но дверь всё равно рывками открывалась.

– Они влезают и на тыканья ножками стула не реагируют! – кричали рядом. Стас изо всех сил упирался ногами в дверь, видел нечеловеческого вида людей, протискивающих в расширяющуюся щель и тянущихся к нему скрюченными пальцами...

– ААААА!.. – с трудом закричал Стас, дёрнулся и в ужасе проснулся. – Твою мать!.. Аааах... госссподи...

Сел в кровати, включил ночник, начал тереть лицо дрожащими руками. От пережитого ночного кошмара трясло. «Так вот он какой, конец света... А ведь это вариант: сначала всё на хрен сжигает сгустком энергии, а потом смывает весь плодородный слой. Люди быстро возвращаются в зверское состояние, пожирают друг друга, и... И всё. Ну меня на хрен с такими снами...».

Поправил подушку, расправил скрученное в жгут одеяло, лёг, протянул руку, выключил лампу, закрыл глаза... Такие реалистичные кошмары часто мучили Стаса в период длительного безделья. Если не хватало усталости, то через несколько дней покоя мозг начинал выдавать длительные замысловатые реалистичные кошмары, после которых Стас просыпался измотанным, больным, несчастным. Несколько ночей после этого снов не было. Потом появлялись короткие яркие, а если и дальше не было физической усталости, опять било кошмаром. «Надо бы перед сном хоть прогуляться по свежему воздуху, а то неизвестно, сколько ещё тут зависать», промелькнуло в сознании перед самым засыпанием.

Уже третью неделю Стас ждал одного телефонного звонка, после которого он сорвётся в очередную авантюру. Звонок мог прозвенеть в любой момент, но когда этот момент наступит – никто не знал: должно было совпасть слишком много обстоятельств.

Даже в сказках, где возможно всё, Василиса Прекрасная и Василиса Премудрая – это две разные Василисы. Одной из «подруг» Стаса была женщина, значительно старше, чем он, по имени Светлана. Про себя она говорила, что за свою жизнь «прошла огонь, воду и медные

трубы. Теперь весёлая, крепкая, сногшибательная, как самогонка». Их встречи часто ограничивались просто долгими увлекательными беседами, и только иногда заканчивались физической близостью. Они познакомились в очереди за билетами в театр. Стас не собирался в театр в тот день. На улице заметил очень привлекательную, красиво одетую женщину, «с пробегом, но на ходу», отметил для себя и просто пошёл за ней следом. В театральной кассе стояла редкая, для этого города, длинная очередь. Стас встал сразу за Светланой и приложил немало усилий, чтобы она им заинтересовалась. Уже через пятнадцать минут культурного разговора они прониклись взаимной симпатией. После покупки билетов на соседние места они ещё долго просто гуляли, разговаривали, немного флиртовали. Стас наслаждался её познаниями, манерой разговора, чувством юмора, достойным поведением. Любовные отношения между ними развились постепенно. Светлана сама выступила инициатором их первого поцелуя. Оба признавали, что если бы не разница в возрасте, им было бы очень комфортно вдвоём.

Стас давно её не видел, соскучился.

– Алло, светлая моя, здравствуй! – поздоровался Стас со Светланой, когда после третьего гудка она ответила на его звонок.

– Здравствуйте, Станислав! Давненько не наблюдаю у себя вашего присутствия. У тебя всё хорошо?

– Да, хорошо. Соскучился я по тебе! Можно приехать?

– Приезжай! Буду тебе очень рада!

Через полчаса Стас звонил в двери к Светлане.

– Что, сударь, неудачи на любовном фронте, что решили вспомнить свою прежнюю даму? – с улыбкой поцеловала и обняла Стаса Светлана. Между ними не было секретов. За много лет общения сложились глубоко доверительные отношения. Настолько доверительные, что Стас рассказывал Светлане о своих встречах без обязательств. Это не было сплетнями, это был доверительный разговор. Больше ни с кем это не обсуждалось, дальше Светланы это не шло.

... – Раньше «гуманитарий» – это был тот, кто знал три языка, философию, мог произвести лингвистический анализ средневекового художественного произведения на французском языке, а сейчас это те, кто не может выучить таблицу умножения, – сокрушалась Светлана. – Эра двоечников настала. Эра, эпоха. Чудовищное, могучее поколение двоечников и неучей заполонило всё вокруг. Нет, они были и раньше, но еще несколько лет назад они не так сильно бросались в глаза. Как-то стеснялись своей безграмотности, что ли? А сейчас они, такое ощущение, везде. Они популярны! Безграмотные звезды. Косноязычные лидеры мнений. Не умеющие двух слов связать законодатели мод, – Светлана вздохнула, повернулась, легла удобнее. – Все эти люди, которые никак не могут понять разницу между «тсы» и «ться». Которые говорят «я думаю то, что»... Которые говорят «координальный» вместо «кардинальный» – видимо, и Ришелье в их версии был «координалом». Которые заявляют, что «мне показалоСЯ», или «я разочаровалаСЯ». Которые никак не могут забыть кошмарное слово «вообщем». И они уже не стесняются ничего!.. Кошмарные дикари... И ладно бы только блогеры были безграмотными. Блогеры вообще умудрились за краткое время своего существования сделать все возможные ошибки и покрыть себя любым известным позором, так что само слово «блогер» в нашем обществе носит пренебрежительно-несерьезный оттенок. На фоне понтов, самолюбования, воровства, накрутки подписчиков, откровенной грубости, глупости и хамства какая-то там безграмотность уже не выглядит как порок, – Светлана посмотрела на Стаса, увидела понимание в его глазах, продолжила. – Но безграмотность проникла уже в святая святых – в СМИ. В место, которое держалось дольше всех. В то место, где непременно должна быть хоть какая-то редакция, хоть какой-то второй взгляд. Нет. Сами редакторы уже не знают, что к чему. И ладно бы модные журналы, нет – солидные политические издания на полном серьезе обсуждают вопросе о «приемнике Президента», хотя слово «приемник» – это, скорее, что-то

из радионауки, в отличие от слова «преемник», которое и пишется, и читается по-другому. Всем наплевать на грамотность. Всем. Никакой вычитки, никакого свежего взгляда. Афиша с фильмом Нуртаса Адамбая заявляет о «фильме Нуртаса Адамбай» – хотя фамилия «Адамбай» прекрасно склоняется, прекрасно, так же, как и Хемингуэй. Но только в одном случае – если речь идет о персонаже мужского рода. Если бы это был фильм какой-нибудь Нургуль Адамбай – тогда склонять не следовало бы. Но эти безграмотные двоечники не понимают разницы, не понимают, – Светлана опять замолчала.

– Безграмотность везде и во всем. Неучи везде. Неучи – лидеры мнений. Неучи – популярные блогеры, – повторилась она, – неучи дают интервью и учат других жить. Люди, которые сами не удосужились научиться – учат других. Перевернутое время, ей-богу. И вот я точно знаю, в чем причина. Все ведь просто – эти люди не читали в детстве, и не читают сейчас. И я точно знаю, что с этим делать. Точно знаю, как безграмотность лечится. Будь моя воля, я бы собрала в одном месте всех этих редакторов модных журналов, всех этих блогеров, всех этих безграмотных журналистов, всех этих пишущих людей, которых на пушечный выстрел нельзя подпускать к тексту. Всех этих молодых и дерзких. Собрала бы, и заставила читать. И читать не журналы с картинками, не блоги, не модных писателей, не какого-нибудь дебильного Коэльо, не какого-нибудь популярного Харари, который под видом откровения публикует кошмарный наукообразный бред. Нет, Чехова бы они у меня читали! Чехова, Антона Павловича. Возможно, тогда они бы узнали, что вот это кошмарное построение фразы «переступая порог ресторана, возникает ощущение, что ты дома» – так вот, это построение фразы называется «анаколуф», и его первым безжалостно простебал именно Чехов. И это ощущение переступает порог ресторана, а не ты, двоечник. Чехова им всем в двойном размере!.. Толстого. Шекспира в переводе Пастернака. Самого Пастернака. Каверина. Домбровского. Бунина. Вот кого. А в интернет я бы им запретила заходить в принципе. До тех пор, пока не смогут правильно применить «тсья» и «тсья». Десять раз из десяти. Некоторые, наверное, никогда не смогли бы это сделать. Но таким людям отлучение от Интернета только на пользу... Для грамотности нужно мышление взрослого человека. Но мы безвозвратно утратили способность быть взрослыми: не будет уже никогда двадцатилетнего генерала Наполеона Бонапарта, шестнадцатилетнего комдива Гайдара. Инфантильная придурковатость стала нормой. Поэтому и детские эскизы никуда не денутся. Как жаль...

Светлана выговорила и теперь утомлённо замолчала.

– С чего тебя так перепало? – после длительного молчания уточнил Стас, повернулся удобнее, начал кончиками пальцев поглаживать Свету по плечу.

– В поезде ворох газет прочла, а там так всё безмозгло, так безграмотно, так косноязычно. Особенно региональные таблоиды. Это что-то невероятно ужасное... Такие примитивные темы обсасываются на полном серьёзе... Так возникают нации, которые выпускают стеклянные бусы и нации, которые за эти стеклянные бусы продают свои земли. Всё грустнее наблюдать растущую самоуверенную безграмотность. Становится нормой «Ну, я же так думаю, значит, так оно и есть». Растёт число сторонников учения о плоской земле и наличия планеты Нибиру, населённой ануныками. У входа в университет в Южной Африке висит следующее сообщение: «Уничтожение любой нации не требует использования атомных бомб или использования ракет дальнего радиуса действия. Требуется только снижение качества образования и разрешение обмана на экзаменах учащимися». Пациенты умирают от рук таких врачей. Здания разрушаются от рук таких инженеров. Деньги теряются от рук таких экономистов и бухгалтеров. Человечество умирает от рук таких религиозных ученых. Справедливость утрачивается от рук таких юристов и судей... Управление теряется в руках законодателей. «Крах образования – это крах нации»... Мы стали нацией, которая обречена на вымирание. Так грустно... Опять подумала, что хорошо быть дурой, но мне так не повезло с детства много читать, стать всей из себя умной. Скажи, хорошо же быть дурой, правда?

– Тебе это уже не грозит. Неси свой крест просвещённого человека, – поцеловал Стас в макушку Светлану. – Светлая твоя голова. Как же с тобой хорошо поговорить.

– Женись, Станислав. Обязательно женись! И обязательно родите детей! Воспитайте их умными людьми! Просто страшно становится от мысли, что мы последние поколения умных образованных людей. Давай я тебя с хорошей умной девушкой познакомлю, чтобы вам было о чём говорить. А?

– Не надо... Не надо... Это апоптоз... На уровне общества. Каждый член общества – как отдельная клетка. Всеобщее одурение и массовое суицидальное поведение – это стремление членов общества к скорой гибели. Слишком нас много на планете расплодилось.

– Не будь таким мрачным. Что у тебя произошло? – повернулась к Стасу Светлана.

– Кошмар ночью снился. Наблюдал конец света, – ответил Стас и пересказал свой сон.

– Как фильм телеканала «Дискавери» или «Нэйшнл джиографик». Иди ко мне... – при-тянула к себе Стаса Светлана.

В понедельник утром Стас сидел в очереди банке. Необходимость каждые несколько лет заменять карты была частью его работы. А сейчас Стас восстанавливал утраченные ранее карты. Полтора десятка карт разных банков хранились в отдельном портмоне. Рядом сидела пара немолодых людей, усталый мужчина и нервная женщина. Они продолжали какой-то прежний разговор, но с какого-то момента Стас откровенно начал прислушиваться. «Тебя поставили подглядывать, а ты подслушиваешь», сам себя укорил Стас.

– Чем умнее и взрослее мужик, тем меньше у него претензий к женщинам, – нравоучительно говорила женщина. – Он отсеивает всяких дур, кур, меркантильных сучек, находит женщину по себе и работает на эти отношения. Развивается сам и помогает расти и развиваться своей женщине. Зато тот, у кого мозг с птичьей какашкой, годами будет орать, что все бабы сучки, что им нужны только деньги. Каждый получает бабу по своему уму и способностям. Вот такие дела! – победно закончила женщина с напором.

– А как быть с теми, кто честно женился по залёту после случайной связи с незнакомой тёлочкой, которая оказалась именно меркантильной сучкой с куриными мозгами? – отстранённо уточнил мужик, явно имея в виду что-то личное.

– А вот не надо было ему с кем попало в постель ложиться! – почти выкрикнула женщина обиженно.

– А он там один оказался, её там не было? – медленно проронил мужик.

– Так, знаешь что?!

– Что?

– Ничего! Вот подумай, о чём я тебе сказала, – закрыла тему женщина.

– А о чём я тебе сказал, ты подумаешь? – усмехнулся мужик.

– Я не буду про всякую чушь думать! Я тебе сказала, как есть, так вот и есть всё! Не надо мне тут всё это вот! – выдала речевые надолбы женщина.

– Чего не надо? – уточнил мужик.

– Ничего! Молчи уже, если сказать нечего! – зашипела на мужика женщина.

– Мне есть что сказать... – начал было мужик. Ему уже было важно просто оставить последнее слово за собой.

– Заткнись по-хорошему, не зли меня!.. Чего молчишь? Нечего сказать? Вот так-то... – зло скривила губы женщина.

– Да я вот над твоими словами думаю... К какой группе ты относишься из перечисленных тобой персон? И высчитываю птичку, размером с чью какашку мои мозги... Даже не голубь. Воробей. Точно, воробей, – сам себе проговорил мужик.

– Ты сейчас что сказал? А!? Ты сейчас что сказал?! – встрепенулась женщина.

– Мозги у меня размером с воробьиную какашку, говорю, – ответил мужик.

– Почему это?!

– Я подумал о том, что ты мне сказала...

– Вот так лучше, самокритика полезна, ещё подумай, – почувствовала себя победительницей в споре женщина.

– Да, самокритика... Не у всех она есть, да? – тихо проговорил мужик.

– Не у всех, не у всех. Вот лучше молчи и думай... Ах, ты урод! Ты меня кем назвал?! – вдруг догадалась женщина, о чём шла речь.

– Тебя – никем. Я про себя.

– Ты меня в виду имел! Что я сучка, да!?

– Что ты, ласточка моя, у меня загранпаспорт дома, я так не рискую, – зевнул мужик.

Окончания этого увлекательного спора Стас не услышал, его пригласили в одно из окон. «Интересно, какую охрнительную истину они родят в этом бестолковом споре? Увлекательно жить в таком насыщенном событиями браке...», проскочило в мыслях.

...Операционистка была совсем молодой миловидной женщиной. Стас без усилий создал атмосферу лёгкого флирта, несколько раз вызвал искренний смех сотрудницы, пока она оформляла его документы, чем вызвал недовольные взгляды немолодых женщин без фигуры за соседними компьютерами. Каждая из них была бы счастлива, чтобы Стас флиртовал с ними. Но осуждали и его, и свою сотрудницу, когда наблюдали чужой флирт.

«Интересное женское свойство: всё, что не моё – это плохо. Это относится к предметам, вещам, чужим детям, чужим радостям. На вечеринке жена может флиртовать и любезничать с посторонними мужчинами, но если муж вдруг с улыбкой переговорит с какой-то другой женщиной, его ждёт вынос мозга: «кто это был?!», а на указание, что ты сама любезничала, последует «конечно! От тебя разве дождёшься? Да и ничего не было! А ты как баба, если предлагаешь мне на себя посмотреть!». Милые создания... И сейчас они осуждают и будут поучать свою коллегу, потому что это не и смех и флирт, а значит, это плохо, значит, этого не должно быть...», – осознал ситуацию Стас.

– Желаю вам хорошего дня. Вы очень хорошая собеседница. Я, пожалуй, опять потеряю свою карту, чтобы снова к вам прийти, – довольно громко сказал Стас для окружающих. Потом наклонился чуть ближе и тихонько проговорил для неё одной: – я бы вас пригласил куда-то сходить, но в этом случае ваши коллеги вас просто съедят.

– А они меня и так съедят, не переживайте, – так же тихо ответила операционистка. подмигнула и с улыбкой протянула листок с номером своего телефона. – Позвоните мне в сентябре, когда я буду в отпуске.

– Мир очень странный... Вот, например, коробка для пиццы квадратная, сама пицца круглая, а порции треугольные. В школе нас этому не учат, но вот в чём дело... Есть пиццы на двенадцать и восемнадцать дюймов, то есть двадцать четыре и тридцать шесть сантиметров соответственно, если перевести на русский язык забугорную тарабарщину. По цене восемнадцать дюймов на четверть дороже двенадцати. А по площади восемнадцать дюймов ровно в два раза больше, чем двенадцать! – за обедом в кафе говорила миленькая Катя. – Я тут сегодня с утра вычитала, что основатель компании «Тойота» Сакити Тойода, постоянно пользовался правилом «пяти почему». Во всех непонятных ситуациях он использовал этот метод, и тот ему всегда помогал. Вот это правило. Например, мне хочется шубу. Спрашиваю себя: почему я хочу новую шубу? Это первое «почему». Отвечаешь себе: потому что я хочу всех удивить. Окей, второе «почему»: почему ты хочешь всех удивить? Ответ: потому что хочу, чтобы на

меня обратили внимание. Третье «почему»: почему тебе нужно, чтобы на тебя обратили внимание? Ответ: потому что я чувствую себя неуверенно. Четвертое «почему»: почему ты чувствуешь себя неуверенно? Ответ: потому что я никак не могу реализоваться, потому что я сижу на одном месте. Пятое «почему»: почему ты не можешь реализовать себя? Ответ: потому что я занимаюсь тем, что мне не нравится. И скажи теперь, при чем тут шуба? Так получается, что в ответе на пятое «почему» и кроется первопричина, которая, на первый взгляд, не просматривается. Пятое «потому что» выводит на свет то, что скрыто. Если угодно, пятое «потому что» и есть настоящая ты. Это очень действенный способ проверить, что ты на самом деле скрываешь, в чём боишься признаться даже себе, чего ты действительно хочешь и что, на самом деле, просто мишура. Я так рада, что сама до этого дошла! А потом мне стало грустно, потому что очень часто женщины тратят слишком много денег, которые они не заработали на вещи, которые им не нужны, чтобы впечатлить людей, которые им безразличны.

– Всё верно, психологическая зрелость, это понимание того, как много вокруг вещей и событий, которые вообще не нуждаются в твоих оценках, комментариях, – поддержал Стас Катю.

– Я по тебе соскучилась! Когда ты будешь меня мылить? – с улыбкой спросила Катя.

– Давай сегодня, – предложил Стас.

Катя была одной из «постоянных подруг», с которой он встречался уже много раз, желания расставаться ещё не было. Она была миленька, добрая, страстная, ничем не напрягала, всегда была в хорошем настроении. Каждая их встреча была маленьким праздничным приключением. Сама Катя считала себя слишком влюбчивой, а влюбившись, начинала так беспроблемно заботиться о своих любимых, что те начинали её избегать, поэтому теперь она боялась заводить серьёзные отношения, чтобы очередные расставания из-за того, что она «слишком хорошая» не приносили ей страдания. Встречаясь со Стасом, она помнила, что это только на время, не серьёзно, удерживала свою непомерную заботу, и сама удивлялась, что, оказывается, без этого можно жить. Без её заботы ничего вокруг не менялось. Теперь она просто жила, не ждала ответной заботы.

– Давай. Ты мне приготовишь место во дворе? – По городу Катя ездила на простом отечественном автомобиле, но на трассу выезжать боялась.

– Не требуется, сейчас много места под окнами, все на дачах, – успокоил Катю Стас. «Какая же аккуратненькая, как куколка», любовался Стас своей зеленоглазой собеседницей, тёмно-рыжие густые волосы со стрижкой, круглые черты лица. «Дураки мужики, заботу такой прелести не ценить. Себе её оставить, что ли?», размышлял Стас.

– Увидела ещё сегодня в сети на странице старого знакомого, что он изменил свою жизнь на триста шестьдесят градусов, но фотографию на аву поставил старую, школьную. Теперь пытаюсь понять: то ли он математику вообще не знает, то ли успешно крутится, – продолжала делиться своими наблюдениями Катя. Стас на мгновение задумался и от души рассмеялся.

– Мать, ты начинай дневники вести. Ты просто кладёшь наблюдений! – похвалил собеседницу Стас.

– Кому это надо? Думаешь, хоть кто-то кроме тебя оценил это? Никто даже не понял! Знаешь, что мне ответили по этому поводу двое до тебя? Они сказали «Ну, вот так у человека в жизни всё повернулось», – пожаловалась Катя. – Ой, ладно, пойду обратно, надо добивать эту «братскую могилу». Никто без меня этот сборник не скомпилирует. Цезаря в сенате говорились убить шестьдесят человек. Но на его теле было всего двадцать три раны. Это говорит о том, что во всех групповых проектах абсолютное большинство участников ничего не делают, – вздохнула Катя обречённо. «Братской могилой» в академической среде называют сборники статей и материалов конференций, отпечатанных мелким шрифтом малым тиражом. Эти сборники читали только составители. Больше никто не читал материалы целиком: авторы перечитывали свои тексты, студенты в библиотеках искали только конкретные статьи. 90% опубли-

кованных в таких сборниках материалов больше никогда нигде не всплывали. Эти публикации нужны были студентам и аспирантам «для галочки», и в массе своей были мертворожденной пустышкой. – Мы все понимаем, что так жить дальше нельзя, но понимаем, что именно так мы жить и продолжим. А самая большая драма нашей жизни в том, что начиная делать какую-то фигню, мы почти всегда знаем, что будет в конце, но нас это не останавливает... – совершенно печально закончила Катя. Ей очень не хотелось возвращаться к своей скучной работе. – Давай, до вечера... Я пойду... Уходишь – не оглядывайся. Оглянешься – вспомнишь. Вспомнишь – пожалеешь. Пожалеешь – вернёшься. Вернёшься – начнётся всё сначала... А я уже всё доела и допила, сытая, больше не смогу наесться. Неопределённое местоимение – это что-то с чем-то, – шутила Катя про всё подряд, чтобы просто потянуть время.

– Очень жду тебя вечером, – с искренней улыбкой добро обнял Катю Стас. «Какая же хорошенькая!», любовался Стас уходящей Катей, в платье, похожем на платья пятидесятых годов. Катя вообще напоминала девушку с классических картинок «Пин-ап-гёрл».

– Девушкам вредно смотреть фильмы о любви, а парням порнуху: и те и другие начинают думать, что такое возможно в действительности, и ждёт их большое разочарование, – тараторила Катя, когда они голые сидели на кухне у Стаса, чаем восполняли потерянную с потом любовных утех жидкость.

– В этом жанре, в смысле порнухи, давно уже кризис идей, – отозвался Стас на шутку. – Я порнуху не понимаю: это как чужую пьянку по телевизору смотреть.

– Ну, футбол же смотрят те, кто сам трёх метров за автобусом пробежать не может. Может быть, любителям порнухи тоже не осталось ничего радостнее, как на других посмотреть, – вступилась за зрителей этого жанра Катя.

– С этой стороны я не думал... Да, наверное так и есть. Но я бы в порноактёры не пошёл. Да потому что для меня встреча с женщинами – это радость, удовольствие, предвкушение, а для них работа, работа, работа... Как на тренажёре отпыхтел, и никакого тебе удовольствия. И так каждый день, каждый день. Я бы не смог, – признался Стас.

– Вторую половину лета обещают жарким, – глядя в окно произнесла утомлённая Катя. Своим совершенством она напоминала древне-греческие мраморные статуи.

– Красивая ты! Ладная, – невпопад ответил Стас.

– Ага... Спасибо маме с папой... – согласилась Катя. – А вот скажи, ты бы как поступил, если бы у тебя был любимый человек, а ты ещё влюбился в другую женщину?

Стас задумался, левой рукой задумчиво пошевелил волосы на затылке, медленно сформулировал:

– Если бы я полюбил одновременно двух людей, то есть одну женщину за другой, я бы выбрал вторую: если бы я действительно любил первую женщину, не полюбил бы вторую.

– Как всё просто... А если, вот, действительно любишь, обоих любишь, что делать? – настаивала Катя.

– Был у нас на истфаке замечательный преподаватель. Специалист по черносотшному крестьянству... У него была привычка на экзамене одним единственным вопросом наизнанку выворачивать, – начал вспоминать Стас. – Отвечаю по билету, допустим, праздники у русских крестьян в такой-то период года в тринадцатом веке, весной, например. Бодро так отвечаю, самому нравится, подробно, все дела. Он кивает, согласен, всё нормально, а по завершении ответа задаёт дополнительный вопрос: «Ну, а всё-таки, какие праздники были связаны именно с этим временем года». Начинаю дополнительно вспоминать. Ещё пару праздников, благо их там на каждый день не по одному было, называю. Он, значит: «Да, верно. Ну а всё-таки?». И так раз пять-шесть. Всё, уже голова пустая, не помню больше ни одного. И тут он называет

какую-то такую фигню, которую и за праздник то не считали, но всё-таки. Так и ты, «ну, а всё-таки?», да?

Катя улыбкулась, наклонилась вперёд, опёрлась локтями о стол, положила голову на ладони, отчего её круглые груди легли на край стола и на несколько секунд привлекли внимание Стаса. «Ну, какая же аккуратная, просто прелесть!», мелькнула мысль.

– Ну, скажи! Тебе жалко? – настаивала Катя.

– Что сказать-то? – уточнил Стас.

– Как тут быть?

– С чем? С двумя влюблённостями? Мы любим тех, кому делам что-то доброе. Поэтому и говорят, что с глаз долой – из сердца вон. Прекрати общение с одним из них, переключись полностью на второго, – напрямую выдал Стас свою догадку.

– А как выбрать?

– Монетку подбрось! – посоветовал Стас.

– Так нельзя. Они оба по-своему хорошие. У обоих есть свои недостатки, – не сдавалась Катя. – Как выбрать?

– Я полюбила вас, крепитесь. Из вредности в любви признаюсь, – выдал шуточное двустипшие Стас с усмешкой. – Тебе нужен безупречный мужик. Зачем тебе с недостатками? А вообще, если выбирать – то бросай меня, – глядя прямо в зелёные глаза под короткими рыжими волосами предложил Стас.

– Тебя мне ещё не хватало! Ты, если когда и умрёшь, то от бессердечного приступа, в очередное бездушное душное лето, на какой-нибудь очередной девке... В тебя влюбляться – это сразу аптеку за ядом идти нужно. Бедная будет та баба, которая станет твоей женой. Ты же перемелешь любую! С тобой мне просто хорошо, тебя я не рассматриваю как спутника жизни. Ты – как моя машина. Просто безотказное функциональное приспособление для облегчения жизни. Не буду же я влюбляться в машину и хранить ей вечную верность.

– Да? Жалко... В смысле, если бы был выбор между мной, и не мной, это было бы сильно проще. А так между неизвестно кем и не мной – не зна-а-аю... Это, значит, как приходит врач к пациенту домой и сразу заявляет, что болезнь у хворого от алкоголя. Больной возражает, что вообще не пьёт. Врач расстраивается и говорит: «Жалко, что не пьёте... Это сильно облегчило бы диагностику», – усмехнулся Стас.

– А как вообще себе спутников жизни выбирают? – не стала смеяться Катя. Стас тоже посерьёзней, пожал плечами.

– Не знаю. Как познакомиться с женщиной, да с кем угодно, что-то вместе сделать – это я знаю. А как жить долго и счастливо – ни разу не делал. Главное скажу, кого нельзя в спутники брать. Нельзя выбирать «правильных», «положительных», «хороших». Это самый мерзкий тип мужского пола. Все «хорошие» парни очень плохие любовники, – начал делиться своими знаниями Стас.

– Почему? – включилась Катя.

– Эти правильные... Уроды они. Бабы с хренами. Трусливые, подлые... В общем, должно быть в мужике здоровое зверское начало. Мужичкое, сильное, бескорыстное. А такие качества у «хороших» отсутствуют. А нет этих мужичких качеств – это змея, скорпион, бабская натура в своём худшем проявлении. Бежать от такого надо... А вообще, не загоняйся. Если из головы выкинуть шаблон «как оно всё непременно должно быть», а просто наслаждаться тем, как оно есть, можно случайно стать счастливой.

– Как-то не конкретно. Что ты имеешь в виду? – заинтересовано проговорила Катя. Её взгляд остановился, она смотрела куда-то внутрь себя.

– Давай так: сейчас я чётко не могу выдать, но специально для тебя сформулирую, как оно должно быть и мерзкие мужские черты, которые если заметишь в мужике, знай, что от него держаться подальше. А ко мне поближе... – оба замолчали. Стас глубоко вздохнул, подался

вперёд, и без привязки к только что произошедшему разговору сказал: – Замечено, что даже те люди, которые уверены, что всё предreshено и ничего нельзя изменить, при переходе дороги смотрят по сторонам. Интересно, да? А пошли опять мылиться? – закончил Стас с улыбкой.

Катя улыбнулась, молча встала и, шлёпая босыми ногами, первая пошла в ванную. Стас опять залюбовался стройной гладкой спиной и круглой попой с розовыми пятнами от табуретки.

Утро вторника ознаменовалось долгожданным звонком на специально выделенный для этого канала связи мобильный телефон.

– Доброе утро, Вохматый, – прозвучал в динамике спокойный баритон с мелодичными дефектами речи в виде картавости и вместо звука «л» мягкое «вэ». – Не возбудишь?

– Приветствую, коллега! Нет, ты меня не возбуждаешь, – пошутил Стас. – А не сплю я уже давно, сию, тружусь, от тебя новостей жду.

– Какие пваны на бвижайшие одну-две недеви? – проигнорировал шутку собеседник. Этот вопрос и именно этот ответ были своеобразным паролем, что у обоих собеседников всё в порядке. «Зачем мучиться у вогопеда, есви особенность выговова можно сдевать своим пве-имуществом, вевно?».

– Немного встряхнуться, – после паузы отозвался Стас.

– Тогда до посвезавтва, новый адйес знаешь, – дал указание голос.

– Принял, – подтвердил Стас. Собеседник, не прощаясь, отключился. Этого звонка Стас ждал уже второй месяц. «Теперь хорошо. Вот теперь будет очень хорошо», пронеслись в голове мысли в предвкушении активных действий.

В прошлый раз этот же голос сообщил:

– Погода даёт окно чевез два-тви дня. Сбов в четвегв в Питеве, в два часа дня на метво «Звёздная».

А теперь они втроём будут заканчивать то, что не завершили в прошлый раз всей своей тогда ещё большой командой...

Сейчас, чтобы погасить тревогу и возбуждение, Стас лёг на пол, ноги на спинку дивана, на кулаках отжался от пола 98 раз. Последний десяток отжиманий дались с большим трудом, на девяносто девятое сил уже не хватило. «Не дотянул до сотни. Поприседаем!», ещё тяжело дыша, Стас сделал 126 приседаний. Сердце стучало в голове, ноги и руки были пустыми, волнение улеглось.

«Едем, значит. Нашли, значит. Это хорошо... А пока что надо бы барахлишко погладить. А то вдруг в чистое одеться придётся...».

После каждой встречи с «подругами» Стас менял полотенца и постельное бельё, протирал полы. Выстиранное бельё всегда тщательно отглаживал. Сейчас за две недели накопилась гора не глаженного белья. За глажкой Стасу хорошо думалось, поэтому именно на время, которое последует после звонка от «диспетчера», он оставил себе эту домашнюю работу, чтобы ещё раз всё обдумать. После того, как рыхлая горка белья после глажки превратилась в тугую квадратную стопку, Стас занялся основной работой. Несколько часов за компьютером, десяток писем, несколько сложных документов, полтора десятка звонков...

«Вроде всё», зачеркнул последний пункт в списке обязательных дел. «Надо бы озаботиться едой на дорогу. Да и самому не мешает поесть. Сначала до магазина, «растрясти затёкшие кости».

– Мужчина должен! Да потому, что он мужчина! – недовольно, напористо и однозначно высказывала Стасу Наташа.

– А что должна женщина? – грустно спросил Стас.

– А женщина должна иметь привлекательное тело и уметь им правильно распорядиться. Мужчины должны обеспечивать и обслуживать женщин за право прикасаться к женскому телу! – скривила губы Наташа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.